

СМ КНИЖНЫЙ РЯД

НЕЛЬЗЯ КУПИТЬ ЛЮБОВЬ?

Мэтр отечественной прозы Юрий Поляков выпустил в издательстве «РОСМЭН» книгу «Плотские повести». Это сборник новелл о любви, с двумя из которых читатель познакомится впервые.

Любовь, о которой рассказывает писатель, вполне земная и, как и обещает Поляков, плотская. Герои — наши современники, живущие в Москве и отягощенные всеми комплексами горожан эпохи экономики переходного периода. Мужья и любовники — представители крупного и среднего бизнеса, торопящиеся купить то, что можно купить за очень большие деньги. А их прекрасные подруги, сложные отношения с которыми и становятся пружиной интриги, пребывают в перманентном поиске самого солнечного места на ярмарке тщеславия. «Декамерон» нашего времени — так можно охарактеризовать эту книгу.

Проза Полякова затягивает с первой фразы. Книгу прочтешь на одном дыхании, а яркие образы героев еще долго находятся где-то поблизости, за стеной сознания, словно соседи по виртуальной коммунальной квартире.

ЗЕМНАЯ БОГИНЯ

Книга Галины Орехановой «Богиня искусств Ирина Архипова» (издательство «ОЛМА-ПРЕСС») рассказывает о великой оперной певице и организаторе музыкально-просветительского дела в России. Портрет звезды сцены создан на основе воспоминаний коллег, учеников и друзей Архиповой. Книга снабжена именным комментарием и проиллюстрирована редкими фотографиями из архива певицы и ее семьи.

СУХОЙ ОСТАТОК

Раздо интереснее и значительнее, чем многие подобные журналистские работы.

СВИФТ, НО НЕ ТОТ

Грэм Свифт родился в Лондоне в 1949 году, окончил Кембридж. Он один из признанных английских прозаиков, чьи книги переведены на 24 языка. А роман «Земля воды» (издательство «Азбука»), который многие критики сравнивают с творчеством Уильяма Фолкнера и Гонтера Грасса, вошел в шорт-лист Букера и стал основой фильма с Джереми Айронсом в главной роли. Герой книги — учитель, которому грозит сокращение и чья

биография перекликается с двухвековой историей его рода, полной драматизма и кровавого безумия...

Николай МОДЕСТОВ

В подмосковном поселке Белые Столбы состоялся кинофестиваль архивного кино. Впервые он был проведен восемь лет назад и за это время снискал репутацию одного из самых серьезных и интересных кинофестивалей в мире.

У ДОРОГИ СТОЛБОВОЙ...

Здесь показывались фильмы из Госфильмофонда России, расположенного в этом же поселке. Устроители смотря не скрывают, что ленты забытые. Но, посмотрев их, часто думаешь: незаслуженно забытые! В программу фестиваля входят и картины, специалистам неизвестные. Одни легли на полку по приказу Сталина, другие были запрещены его преемниками, иные, выпущенные за рубежом, наши прокатчики даже и не пытались показать зрителю: например, чехословацкие картины времен Пражской весны...

Широко распространена точка зрения, что фильмы, как никакие другие произведения искусства, устаревают. На фестивале «Белые Столбы» обычно демонстрируются фильмы, которые эту точку зрения опровергают. И если порой какие-то сюжеты или приемы кажутся наивными, все равно фильм с той или иной стороны раскрывает свою эпоху, чем и интересен. Но большинство старых фильмов удивляет именно современностью киноязыка. Любопытен девиз фестиваля: «Настоящим делом художника является ремонт старых кораблей. Он может повторить по-своему лишь то, что уже было сделано». Это сказал Игорь Стравинский...

В программе, посвященной великим кинематографистам, традиционной для фестиваля «Белые Стол-

бы», на этот раз был представлен фильм Сергея Юткевича «Свет над Россией», снятый в 1946 году по пьесе Николая Погодина «Кремлевские куранты». Устарела лента или нет? Судите сами: в финальном кадре, повернувшись к зрителю в профиль, стоят Ленин и Сталин. Кадр стал одним из элементов государственной символики социализма. Фильм был запрещен к показу, ибо Ленин и Сталин в нем показаны как равные. Что и вызвало гнев Сталина.

Прелесть старых фильмов еще и в том, что мы видим любимых артистов совсем молодыми! В «Свете над Россией» божеественно хороша актриса Кира Иванова-Головки (работала во МХАТе, а в фильме «Война и мир» сыграла графиню Ростову). А во фрагменте из фильма «Город первой любви» предстает юный Леонид Филатов. Еще без усов, а глаза такие лучистые! В странной роли предстает обаятельный и изысканный Жерар Филип, сыгравший... маньяка в картине «Потерянные сувениры». Обаятельного и изысканного. Чарует молодой Жан Габен в фильме Жюльена Дювивье «Голгофа» (1936-й), экранизации Евангелия — великий актер прекрасно сыграл Понтия Пилата.

Впервые показанная программа «Кино Восточной Европы» даже историкам кинематографа открыла неизвестные страницы. Но здесь мы увидели не шедевры. И порой думалось: пожалуй, правильно сделали

советские прокатчики, что не купили польскую картину «Петля», говорящую лишь о том, что пить — здоровью вредит. Отнюдь не шедеврами оказались и некоторые фильмы Чехословакии. «Карета в Вену» (1966) — очень сильный фильм Карела Кахины, о том, как в конце войны встретились чешская крестьянка и солдат вермахта. Они враги — и тем не менее влюбляются друг в друга. С филигранной тонкостью показана линия их взаимоотношений. А вот финал разочаровывает своей тенденциозностью. В свое время на кинофестивале в Карловых Варах после просмотра этой картины советская делегация покинула зал.

Зато великий режиссер Милош Форман в ленте 67-го года «Горит, моя барышня» показал себя именно как великий режиссер. Название фильма — строчка из народной песни, а в фильме — искрометный юмор, очаровательные детали и грустная философия.

На нынешнем фестивале кроме лент архивных мы увидели отснятый материал фильма Семена Арановича «Аgnus dei» («Агнец божий»). Замечательный мастер ушел из жизни в 96-м, не завершив эту работу о войне, о подвиге ленинградцев. Этот фильм стал сенсацией: казалось бы, столько сказано о Великой Отечественной, но тут многое просто изумляет! Говорят, что уже есть режиссер, вызвавшийся завершить эту картину. Хорошо бы...

Молодой кинорежиссер Александр Дерябин на архивных материалах снял остроумный документальный фильм «Сталин как клипмейкер». Судя по названию, это стоб. Но нет! В кадрах и в своем тексте автор проводит мысль: создатель тоталитарного государства любил в искусстве не человека с его индивидуальностью, а то, что подгоняет его под стандарт. Как и современные клипы.

Через месяц в отреставрированном кинотеатре «Иллюзион» пройдет фестиваль «Эхо «Белых Столбов». Будет интересно!

Елена БЕЛОСТОЦКАЯ

ФОТО ВЕРЫ ЗЫБАЧЕНКО

ТАКАЯ ЧУДОТВОРНАЯ ДОБРОТА...

ванная: «Мир спасет доброта...» Спасет ли? И как?

Об этом — пьеса знаменитого американского драматурга, нашего современника Уильяма Гибсона в хорошем переводе Л. Кисловой и Т. Мамедовой. Я не случайно называю имена переводчиц: в этой пьесе, быть может, более, чем в какой другой, звучит, играя и стремясь к открытию, преобразованию, свету, каждое слово, каждая фраза. Нет, слепоглухонемая девочка не обретет зрения и слуха, не научится говорить, она сможет издать в финале только несколько нечленораздельных слов-«мычаний», но все равно перед нами предстанет победа: дичок словно почувствует и свет, и звуки, и речь, потому что поверит своей учительнице-гувернантке, в прошлом слепой (как замечательно ее играет Елена Галибина!) — она-то и есть та, что сотворила чудо, направив свою юную ученицу — не сразу и непросто — в нормальную человеческую жизнь, в которой — кто знает?! — благодаря прогрессу медицины, может, и случится иное чудо... А пока — поначалу «укрощение» озлобленного и неуправляемого зверька, потом рождается взаимопонимание девочки с гувернанткой, а следом — с родителями и братом.

Ставшая уже классической пьеса Гибсона в этом спектакле представлена в маленьких новеллах (каждая — со своим

названием), а в целом получаются своеобразные ступеньки на пути рождения чуда: «Надо что-то делать», «Первый урок», «Учеба», «Открытое окно»... И такой смысл обретают простые слова гувернантки Анни: «Если мы все вместе будем что-то делать, у нас получится!» И вот мы, зрители, волнение которых нарастает буквально с каждой сценой, начинаем следить за воспитанием-игрой — непросто, хотя внешне абсолютно безыскусной. И девочка меняется на наших глазах.

Победа Анни — это победа гуманиста и педагога, на которую неспособны даже родители. Да, сотворившая чудо — это она, Анни. И, откровенно говоря, трудно представить себе лучший дуэт, нежели Т. Матюхова — Е. Галибина. Но надо отметить, что интересен еще и отец — его играет Ю. Лученко...

...А кругом солнце и брызжет свет — ферма живет своей каждодневной трудовой жизнью, которую очень чутко подметил сценограф В. Фомина, а также — это очень важно! — художник по свету А. Изотов. В эту жизнь теперь так или иначе вошла Элен, и зрители, не стесняясь слез, порой плачут: и подростки, и взрослые. Это слезы радости и слезы грусти, слезы надежды и страстной убежденности, что если есть такие Анни, то мир непременно спасет доброта...

Наталья ЛАГИНА

А ЖЕРТВА КТО?!

Для нынешнего чеховского МХАТа спектакль «Последняя жертва» симптоматичен. В этом представлении чудится новое направление театра: эстетики, призванной служить коммерческому успеху, о котором так печется новый лидер театра.

И выход премьеры — очень вовремя. Поскольку децибелы, которыми сопровождался первый постановки эры Табакова, явно начали спадать. Повышенная скорость появления премьер на всех трех мхатовских сценах рождала опасения за сохранность экипажа. Не только критики (даже весьма преданные Олегу Павловичу) заговорили о несовершенствах отдельных работ и туманности общего курса, но и сам художественный руководитель вынужден закрывать некоторые спектакли. Провести ремонт здания и вести борьбу с алкоголем оказалось проще, чем задать иной алгоритм работы. А временной резерв сокращается шагреневой кожей: хотя никто уже не вспоминает обещания лидера уйти через год, но и от пятилетнего срока (на который с ним официально заключен договор) тоже осталось менее трети. Конечно, большой не так уж безнадёжен: случались в Камергерском и громкие премьеры, и приглашения звезд, выходил и добротный середняк, однако все казалось необязательным, не вполне точным, не слишком основательным.

Для «Последней жертвы» набрано несколько козырей: тут и режиссер Юрий Еремин, который последнее время активно работает на разных сценах; и заметные актеры двух трупп — самого МХАТа и «Табакерки», кото-

рые чем дальше, тем откровеннее объединяются под эгидой общего худрука. Тут и авангардная сценография Валерия Фомина, когда на сцене царствует киноэкран (соответственно, действие пьесы перенесено в начало XX века). Наконец, главный козырь — участие артиста Олега Табакова, уже при выходе которого (вальнящим и жестким Флором Федульцем) некоторые места зала взрываются аплодисментами. Его появление само по себе знак качества, но на сей раз не определяет качества всей постановки!

Так же, как и не отдельно взятые работы его партнеров, хотя есть мастерское создание Ольги Барнет — Глафиры Фирсовой, тип вечный и современный, существо, получающее наслаждение от своего холостства.

Но главное, что поражает в «Последней жертве» и что чудится новым словом в Художественном, — именно расхождение актерских творений, отсутствие понимания актерами единства замысла. Для того, кто стосковался по уютному актерскому театру, — милая хлопотунья Михеева у Натальи Журавлевой. Любителям сериалов — широкоплечий Дульчин Сергея Колесникова; поклонникам эстрады — Салай Салтаных — эдакая маска с обещавшим акцентом Игоря Золотовицкого или репризным Иногородный у Романа Кузнеценко. Есть даже

живая кукла — вдова Белокурова у Натальи Бокаревой. А для ценителей пикантности — странная и модная привязанность к патрону, которой наделяет Роман Кириллов приятеля Дульчина. Но при чем здесь русская классика?

Получается нечто вроде Ботанического сада, где рядом с сиренью мирно произрастает пальма, под сенью которой цветет милая ромашка, а то и ярьный чертополох. Всем хватает места, для всех равно удобряется почва, на всех достает щедрого полива.

Но от такого изобилия кружится голова и хочется согласованности, сведения концов и начал. Смысла, наконец, и ясности. Чудится, что та самая метель, которую показывают на экране, а порой и вбрасывают с помощью снегодува, на самом деле вырывается на покрытые черным пластиком подмошки, кружит на них и ярится, сбивая с толку и зрителей, и персонажей.

И только к финалу начинаешь понимать незаурядность замысла и своеобразие его воплощения: разностильность, которую можно бы назвать волюющей электикой, на самом деле — знак одного, тщательного выверенного курса. Ведь суть претензий, которые предъявляются сегодня Художественному Камергерского переулка, — отсутствие единства, разномыслия спектаклей, немислимых в одной и той же труппе.

«Последняя жертва» доказывает, что взаимоисключаемость возможна в одном представлении (!), ныне заменив былой синтез. И вот видим зрелище, из которого каждый волен выбрать себе блюдо по вкусу, оставив прочие соседу. Слово переключаешь программы телевизора: кому детектив, кому матч, кому ток-шоу... Театр, который когда-то объединял толпу в народ, приносит в жертву свою функцию наставника.

Только нужно ли публике такое жертвоприношение?
Геннадий ДЕМИН